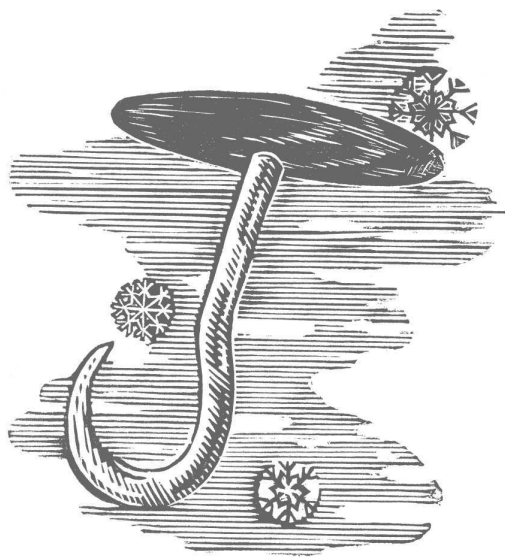


БЕНУ, ПЕРВОМУ МОЕМУ СЛОВУ,  
И ТОНИ, КОТОРЫЙ ДОПОЛНИЛ  
НАШ КОМПЛЕКТ



# ПУТЕШЕСТВИЕ КЛЕВЕР



ГЛЯНЬ-КА, МАМА, НА МЕНЯ,  
Я ДИКОВИНА ТВОЯ.

ПОСТИРАЙ НА БЕРЕЖКУ,  
ВДЕНЬ КОЛЬЦО ТЫ В НОС БЫКУ.

Я ДИКОВИН НЕ ХОЧУ,  
ОТ ЗАБОТ Я УЛЕЧУ.

ОГОНЬ НЕ ГОРИТ, БЫК НЕ БЕЖИТ.  
МАМА В ПОСТЕЛЬКЕ ТИХО ЛЕЖИТ.

Места, события и люди в этой книге выдуманы, однако кое-что навеяно действительностью. Так, племена коренных народов, входящие в Конфедерацию Сеханна, вымышлены, однако их прототипом стал политический союз ирокезоязычных племен ходинонхсони (самоназвание ирокезов) на северо-востоке. Я решил создать воображаемые племена и союз, чтобы не искажать действительность и не вводить реально существовавшие исторические персонажи и индейские племена в магическую, альтернативную историю. Что касается Наполеона Бонапарта — то он единственное упоминаемое в книге реальное историческое лицо, но насчет него у меня подобных опасений не было. Его историей и персонажем я распорядился по своему усмотрению. Выдумывать культуру индейских племен нелегко, особенно для белого человека, и то, как я с этим справился, далеко от идеала. Я глубоко уважаю сложность, многогранность и важность нашей совместной истории и предлагаю вам обратиться к источнику <http://americaninclinian.si.edu/sites/1/files/pdf/education/HaudenosauneeGuide.pdf>, где вы сможете получить информацию по ходинонхсони/ирокезам. При написании этого романа я консультировался с экспертом по культуре ходинонхсони/ирокезов; любые ошибки и неточности допущены исключительно по моей вине.





## Беда не приходит одна

— **С**нова таскаешь в мешке мышей? — спросил Константин, обернувшись в седле на дочь. — Ничего противнее и выдумать нельзя.

— Мышей я не держу с тех пор, как повзрослела, — ответила Клевер, затягивая свой заплечный мешок и на двигая на глаза шляпу. Знай ее отец, что у нее там *на самом деле*, он предпочел бы иметь дело с целым мышинным выводком.

— Я же слышу, как ты там возишься с чем-то. Вот исполнится тебе четырнадцать, я подарю тебе собственную медицинскую сумку, но при условии, что ты не будешь в нее класть ни хлеб с маслом, ни грызунов.

Клевер прикусила язык. Отец не только учил ее, какая дозировка превращает яд в лекарство, как не морщиться при виде гнойной раны и разорванных органов, как содержать инструменты в чистоте и порядке. Еще он хотел, чтобы сама Клевер была *опрятной*: полезной и безотказной, как фарфоровая ложка. К тому же она слишком устала, чтобы пререкаться. Они провели в Зубчатой прерии целых два дня, принимая роды у женщины с тазовым предлежанием плода, и Клевер до того вымоталась, что казалась себе глупой, как гусыня.

Она чувствовала, что выглядит неряшливо, хотя и заплела темные кудряшки в две тугие косы. Быть дочерью врача — тяжелый труд, и Клевер совсем не нравилось, когда неуравновешенные пациенты дергали ее за волосы. Сколько себя помнила, она вместе с отцом ухаживала за больными в предгорьях Центурионских гор. Помогала ему готовить порошки и держала пациентов во время операций. Она даже сама зашивала неопасные раны, макая



шелковую нить в бренди и накладывая тугие чистые стежки, скреплявшие плоть.

Клевер ерзала в седле, чувствуя, что вот-вот расплчется — или выругается. Или и то и другое. Она разглядывала отца. Константин Элкин всегда был для нее образцом благопристойности. Высокие скулы, красивая черная заостренная бородка. В последние годы Клевер замечала, что на его висках пробивается седина. Одежда была поношенной, но даже сейчас, после двадцати шести часов, проведенных в грязной хижине у постели роженицы (он спас жизни и ей, и младенцу), жилет на нем был застегнут на все пуговицы. Отец всегда оставался джентльменом. Он даже жевал сосновые иглы, чтобы пациенты не чувствовали запаха копченой форели — еды, поддерживавшей его силы.

Они ехали к дому по красноватым глинистым склонам. Лес становился все гуще, с верхних веток их пронзительно обругала белка. Клевер подумала, что в мире нет ничего глупее рассерженной белки, толстой правительницы собственного дерева. Девочка тихонько рассмеялась, но белка в ответ взвизгнула еще громче, взмахнув хвостом, как боевым знаменем. Сморщив нос, Клевер оскалила зубы и фыркнула в ответ:

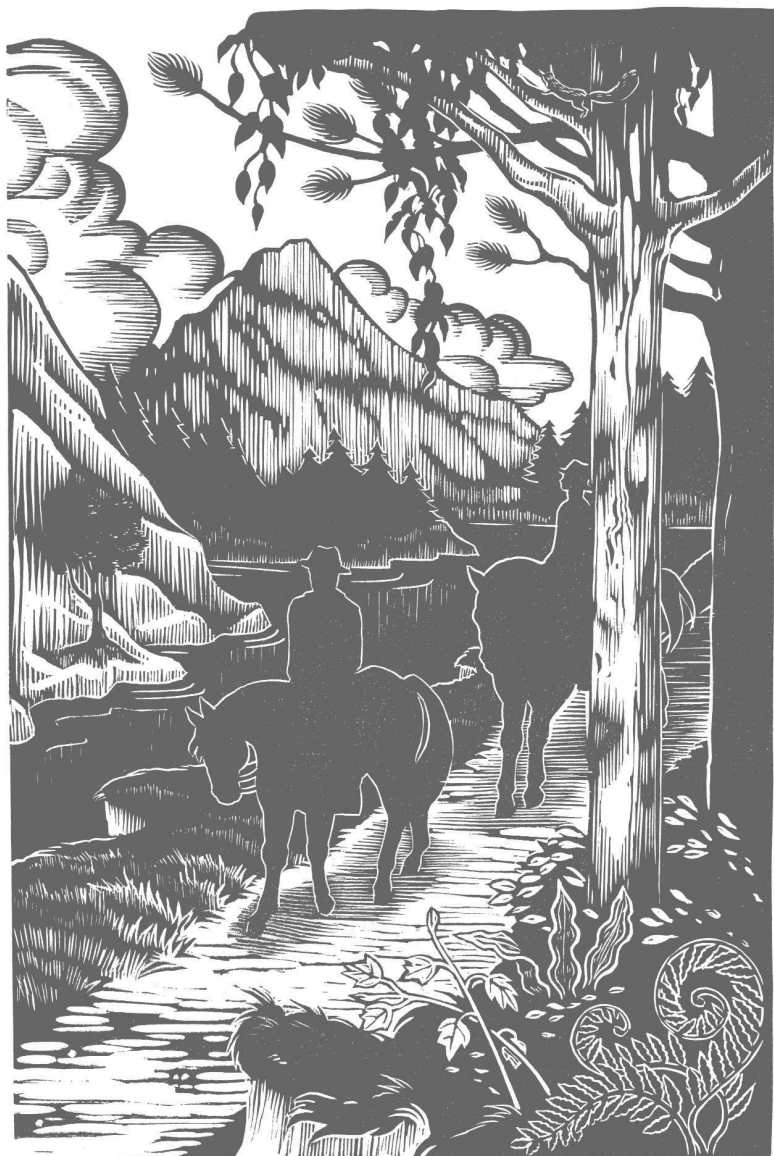
— Пф, пф!

В животе у Клевер заурчало. Вовремя съесть булочки с изюмом, испеченные вдовой Хеншоу, она не успела, а теперь они стали твердыми, как чернильные орешки. Отломив кусочек, она положила его у подножия сосны, потому что даже сварливым белкам время от времени хочется полакомиться.

Отец взглянул на нее с подозрением. Что будет, если он обнаружит, что она прячет в мешке? Ничто не могло огорчить его сильнее, чем диковина.

Клевер заметила связку серых шкурок, свисающих из седельной сумки отца, и внезапно почувствовала, что ужасно проголодалась и устала.

— Хочешь сказать, что за два дня возни и за здорового, вопреки всему, ребенка эти поселенцы заплатили нам луговыми кроликами? — спросила она.



— Ты предпочла бы, чтобы тебе платили улитками? Они же бедные, *kroshka*, — ответил Константин. — Со-  
всем нищие.

Обычно Клевер нравилось, когда отец называл ее *kroshka* (что означало мелкую частичку хлеба), но кролики ее рассердили.

— А мы разве не бедные? Вечно с нами расплачиваются репой или кувшином кислого сидра. Эти кролики даже жира не нагуляли. Взгляни на свои штаны. Я столько раз их латала, что сзади они похожи на лоскутное одеяло.

Константин со вздохом покачал головой.

— А у меня так обтрепались завязки на капоре, что пришлось перейти на мужские шляпы, — продолжала Клевер.

Отец взглянул на нее, удивленно приподняв бровь.

— А я-то думал, что тебе просто нравится одеваться как мальчик, — заметил он, пряча в усах ласковую улыбку.

— Штаны я ношу, чтобы нормально сидеть в седле, я ведь полжизни провожу на лошади. А мужские перчатки — потому что их можно пачкать и мочить в воде, а они не портятся. — Клевер понимала, что сейчас сама похожа на рассерженную белку, но было так приятно пошуметь после томительных часов у постели роженицы, в сырой и тесной лачуге. — Я не собираюсь мозолить зад только потому, что мир создан для мужчин!

— Как угодно, — ответил отец.

Это было очень похоже на отца — он умел представить все так, будто Клевер сама выбрала такую жизнь.

— У хирурга, получившего образование в Праге, могли бы быть вполне платежеспособные пациенты, живи мы чуточку ближе к Нью-Манчестеру, — возразила она. — Или к Брэкенвиду. К любому городу. Мы могли бы каждый день пить свежее молоко и носить новую одежду. И еще в Нью-Манчестере мы бы могли покупать скипидар, и не приходилось бы самим вываривать сосновую смолу. Эта гадость вообще не отстирывается! А ты еще спрашиваешь, почему я платьев не ношу.

Отец хранил молчание, позволяя ей выплеснуть эмоции, но не желая пререкаться. К тому же, если бы Клевер рассчитывала на ответ, ей не следовало бы упоминать Нью-Манчестер. Ничто так не заставляло отца уйти в себя,

как разговоры о прошлом. Он похоронил собственную историю, как мертвеца.

Клевер была совсем малышкой, когда они уехали из Нью-Манчестера, и, конечно, ничего не помнила о тех временах. «В городах одни невзгоды», — говаривал Константин. Из-за сильного русского акцента это звучало, как *одни нивзходы*. На самом деле у невзгод было имя: Минивер Элкин. Клевер знала о своей покойной матери только три вещи: она была собирательницей диковин, входила в общество ученых, изучавших удивительные артефакты, и погибла в результате трагического несчастного случая, о котором отец никогда не распространялся.

Разбитое сердце Константина и было причиной того, что Клевер не довелось ни погулять по улицам Нью-Манчестера, ни посидеть у маминой могилы. Все в один голос говорили, что Константин — доктор с широкой душой. Но только Клевер знала, насколько он замкнут и сдержан. Отцовский высокий, умный лоб был настоящим сейфом, надежно скрывавшим его тайны.

С недавних пор и у Клевер появился собственный секрет, кое-что восхитительное. Не сводя глаз с отцовского затылка, она сунула руку в мешок.

Ух, прямо лед! Она отдернула палец — его обожгло холодом. Приоткрыв мешок пошире, Клевер заглянула внутрь.

На вид это был самый обыкновенный ледяной крюк: железный, загнутый, словно орлиный коготь, с простой ручкой из серого, растрескавшегося дерева. Но Клевер он казался прекрасным, особенно вмятины у основания — от кузнечного молота. Если крюк как следует отчистить, ему даже могло бы найтись место рядом с хирургическими инструментами отца.

На прошлой неделе, собирая грибы, Клевер заметила ледяной крюк среди опавшей листвы. Такими крючьями подцепляли ледяные глыбы, чтобы отвезти в город, где с их помощью неделями сохраняли свежей еду. На озере Саламандра, где жила Клевер, строили только коптильни, а ледников никогда не было. И такого инструмента